

ИСТОРИЯ

О СЕБЕ И ЭПОХЕ: ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО РУССКИХ ЭМИГРАНТОК В АФРИКЕ

© 2021 Н.Л. Крылова

КРЫЛОВА Наталия Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН. 123001, Москва, Спиридоновка, 30/1, e-mail krylovanl@yandex.ru

***Аннотация.** Статья посвящена анализу литературных произведений, созданных русскими эмигрантками, жившими в странах Африки в первой половине XX в. Образованным женщинам, покидавшим революционную Россию, не были чужды литературные интересы. В их поэтических и прозаических произведениях отражено ностальгическое чувство к Родине. Одновременно их произведения – богатое художественное наследие по актуальным вопросам жизни и культуры соотечественников в эмиграции, нравственно-духовным устоям своего времени, которым они щедро делятся с новым поколением русских. Наконец, эти произведения – важный источник свидетельств и хроники событий своего времени в аспекте историко-культурной порубежности, что особо значимо в их художественном осмыслении, в правде отражения колониальной действительности и окружавшей эмигрантов реальности. Художественная проза и публицистика русских эмигранток в Африке выходит за рамки обычного литературоведения. Именно поэтому она интересна и значима как полноправный источник для исторического, социологического, антропологического исследования.*

***Ключевые слова:** Африка, соотечественники, женщины, творчество, русская эмиграция, литературный процесс, проза, эмигрантская культура, мультикультурность, адаптация*

DOI: 10.31132/2412-5717-2021-55-2-90-103

Обращение к гендерному аспекту литературного письма в контексте социокультурной практики русской эмиграции в Африке обусловлено несколькими причинами.

Сегодня уже довольно хорошо исследованы и описаны жизненные истории многих женщин-эмигранток, оказавшихся в начале XX в. в Африке. Скромнее изучен подход к этой группе соотечественниц через исследование культурной среды их обитания. Еще меньше известно о формах и способах их творческого самовыражения в условиях эмиграции.

Потребность не только читать, но и писать отличала всю русскую эмигрантскую культуру. И среди эмигрантского корпуса русских в странах Африканского континента было немало женщин, владеющих навыками литературного письма, во многом, что называется, по праву рождения. Принадлежавшие в большинстве своем к российской элите, образованные в лучших традициях дореволюционной педагогической школы, они, не будучи профессионалами, а скорее любителями, обладали способностями высказывания – публицистического, мемуарного, поэтического, эпистолярного. Более того, для

них, изгнанных со своей родины революцией, подобные способы духовного самовыражения были потребностью.

Становление эмигрантской женской литературы на русском и иностранных языках, равно как и интерес к женской проблематике в художественном дискурсе русской эмиграции в целом восходит к эпохе Русского исхода. Некоторые из произведений (в основном поэтические и журналистские) писались, что называется, по горячим следам; другие не создавались в ту эпоху, но описывали ее позже, опираясь на собственные наблюдения юности и на воспоминания соотечественников той поры.

Имена их авторов и созданные ими произведения за редким исключением не встали в один ряд с такими выдающимися фигурами, как З. Гиппиус или М. Цветаева, а позже Н. Берберова или И. Одоевцева. Тем не менее русские женщины, творившие в Африке, смогли внести свою лепту в эмигрантскую творческую копилку. Такие имена, как И. Эберхардт (Алжир), А. Манштейн-Ширинская (Тунис) и П. Шереметева-де-Мазьер (Марокко), А. Шишко-Булыгина и О. Гогина (Эфиопия), И. Кнорринг (Тунис), З. Шаховская и М. Сазонович-Кожина (Бельгийское Конго), С.Г. Миллин (ЮАР) и другие оставили читателю и исследователю образцы женского литературно-поэтического, публицистического и эпистолярного опытов. Список этот далеко не полный, но даже упомянутые имена и их творчество – еще одно доказательство широких возможностей, реализуемых русскими женщинами в условиях африканского эмигрантского бытия.

Невозможно в ограниченных рамках статьи рассказать о творчестве перечисленных авторов, охватить весь массив поднятых ими проблем. Остановимся лишь на нескольких образах.

И. Эберхардт

Особое место в этой творческой галерее занимает Изабель Эберхардт, наиболее, пожалуй, известная европейским, арабским, а теперь и российским читателям и исследователям русская подданная, никогда не бывавшая в России, «русская бедуинка» – личность легендарная и в то же время загадочная, окруженная ореолом экзотики и одновременно одна из первых серьезных исследователей Арабского Востока.

Ее короткая жизнь (Изабель Эберхардт прожила всего 27 лет, погибнув в 1904 г. во время наводнения в алжирской деревушке Айн-Сефра) без преувеличения феерична. Она родилась и выросла в Женеве, где получила разностороннее домашнее образование. Тогда же зарождается ее великая любовь к Арабскому Востоку. И вскоре мятежный дух этой аристократки русско-немецких кровей переносит ее в страны Магриба. Там, в Алжире, приняв ислам, мужское имя и обличье, она проникает в самое сердце арабского общества, изучает и описывает его [1].

Вся ее жизнь, начавшись с вызвавшего скандал рождения (Изабель – дочь вдовы генерала русской армии, занимавшего важные посты в Российской империи, и ее гражданского мужа, учителя ее сыновей) до своего окончательного разрыва с нравственно-духовными устоями своего времени и круга, до сих пор привлекает к себе внимание как европейских, так и магрибинских писателей и ученых [2].

Первые пробы пера обратили на себя внимание еще в Швейцарии [3]. Серьезные научные журналы публиковали ее статьи и заметки по Алжиру и Тунису, которые до сих пор дают богатую пищу исследователям и одновременно очаровывают читателя уникальной стилистической атмосферой описываемой Изабель Эберхардт эпохи и Магриба: «Безмолвие и покой, царствующие в этих садах, действуют на меня умиротворяющим образом. Я чувствую, что все то, что волновало меня, причиняло мне тяжелые страдания, наполняло мой мозг черными думами, – словом, все то, что составляло мое

горе, мой «кафар»¹, с каждым днем уходит от меня. Моя душа становится более здоровой и наивно открытой радостям жизни... Я начинаю чувствовать над собою солнце, и меня манит путь...» [4, с. 5]. Так пишет русская женщина, нашедшая душевный покой в арабском мире, которому была безмерно и пожизненно предана.

Ее влюбленность в мир Арабского Востока и откровенность признания в этих чувствах буквально стекает с пера Изабель Эберхардт: «Путешествовать верхом – это значит не думать, а видеть следование одного предмета за другим и находить смысл своей жизни в измерении пространства. Простота и однообразие медленно разворачивающихся картин природы способствует тому, что мы сами мало-помалу освобождаемся от наших внутренних складок и проникаемся чувством легкости и душевного спокойствия, чего не может, конечно, доставить паровое передвижение своим лихорадочно торопящимся путешественникам. Когда, изнуряемые жарою, наши лошади лениво переставляют ногу за ногу, я замечаю самую мелкую неровность почвы, и она запечатлевается у меня, как необходимая деталь картины.

Это и есть то здоровое состояние духа, которым когда-то обладали все человеческие расы и которое длится еще рядом с нами в крови кочевников.

В Алжире, глядя на европейцев, стремящихся в один и тот же час, по одному и тому же направлению для того, чтобы сбиться в одну кучу или же бродить вокруг музыки по бульвару, я чувствовала в своей душе что-то неприятное и унижительное для человека. Мне казалось, что лучше пасти баранов, чем составлять одно целое с толпою.

В этих словах нет ни гордости, ни романтизма. Я живу жизнью пустыни так же просто, как погонщики верблюдов, сохары, или туземные наездники, мохацни. Я всегда была проста и в этой простоте находила глубокое утешение, которым никогда не обманывала себя» [4, с. 6–7].

Изабель Эберхардт заслуженно рассматривают и как первую женщину-корреспондента. Ее публикации в местных газетах вызывали подозрения французских властей своей откровенной поддержкой мусульманского населения. Ее заметки и очерки о странах ислама – «Алжирские рассказы» (*“Nouvelles Algériennes”*, 1905), «В горячей тени ислама» (*“Dans l'Ombre Chaude de l'Islam”*, 1906), «Страницы ислама» (*“Pages d'Islam”*, 1920), вышедшие уже посмертно, а также повести, романы «В плену дюн» (*“Prisoner of Dunes”*, 1994), «Кочевник: дневники Изабель Эберхардт» (*“The Nomad: The Diaries of Isabelle Eberhardt”*, 2003) и др. – явились по существу первыми художественными свидетельствами, исполненными реализма, граничащего с документалистикой [5].

Два тома сочинений «Дорожные заметки» (*“Notes de route”*), состоящих из рассказов и зарисовок из жизни туземцев и собственных размышлений женщины, для которой пустыня – не род искусства, а образ жизни, разворачивают перед читателем обширную и многоцветную панораму Арабского Востока конца XIX – начала XX столетия, расцвеченную живыми и реалистичными картинами североафриканской жизни. Ее творчество пронизано искренностью души, сострадавшей угнетенным, способностью человека обретать себя в новом для него мире. Некоторые исследователи считают ее работы предвестником деколонизации Северной Африки. Своим творчеством она преодолевала «границы дозволенного» в контексте колониализма. Успех книг Изабель Эберхардт сделал эту европейку с русскими корнями, исповедовавшую ислам, одним из лучших представителей литературы, вдохновленных Африкой.

А.А. Манштейн-Ширинская

В ряду русских эмигранток XX в., пробовавших себя на литературном поприще, наиболее известна Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская с книгой «Бизерта.

¹ Кафар – фр. *safard* тоска, хандра, сплин.

Последняя стоянка». Но сначала несколько слов об авторе, ее семье и о том, как создавался этот труд.

Вообще говоря, писать – фамильная черта Манштейнов, проявившаяся задолго до рождения Анастасии Александровны. Историкам Государства Российского хорошо известна авторская работа ее пращура, Христофора Германа Манштейна «Записки о России», посвященная социальному, экономическому и военному положению в России в XVII–XVIII вв., «на чью достоверность можно было смело положиться» [6, с. 73]. Отец Анастасии Александровны – лауреат Строгановской премии за рассказ о своем первом заграничном плавании, опубликованный в сборнике «Подвиги моряков и судов родного флота» [7, с. 115–147].

Плотная, многовековая ткань культуры семьи, окутывавшая А.А. Манштейн-Ширинскую в непростые годы эмиграции, не могла не сказаться на ее творческих литературных интересах. Старшая дочь² Александра Манштейна, командира эсминца «Жаркий», пришедшего в Тунис в 1920 г. в составе эскадры Русского Императорского Черноморского флота из Крыма, Анастасия Александровна до своей смерти в 2009 г. оставалась единственной представительницей русских эмигрантов «первой волны» в Тунисе, посвятившей себя преподаванию математики нескольким поколениям тунисцев и французов. Ее судьбу можно назвать уникальной уже хотя бы потому, что, будучи заброшенной в «нетипичную» зону расселения русской эмиграции – в Африку, эта женщина, одна из немногих русских эмигрантов оказалась верной принявшей ее стране, оставшись здесь навсегда, преданно оберегая родные могилы, православный храм и дорогу к нему.

Свою книгу она сначала написала и издала на французском языке (*Anastasia Manstein-Chirinsky “La dernière escale – le siècle d’une exilée Russe à Bizerte”. Tunis, Sud Éditions, 2000. 309 с.*). И у этой книги есть своя история. Как утверждала сама Анастасия Александровна, «в один прекрасный день теперешний мэр Парижа³ (он сам из Бизерты, очень ее любит и часто сюда приезжал, надо сказать, что я знала его родителей) мне сказал, вот, сколько Вы зарабатываете в этом году частными уроками? Ну, я ему сказала небольшую сумму, так как не собиралась много преподавать. И он сказал – вот, эта сумма, не давайте больше уроков, а пишите книгу. И я начала писать книгу»⁴. Книга была закончена в 1998 г. А в 2003 г. с мемуарами А.А. Манштейн-Ширинской познакомилась Россия. Позже она выдержала не одно переиздание. Оно и понятно: появление этой книги относится ко времени, когда отчизна ее автора начала признавать изгнанников революции, и многим россиянам представилась уникальная возможность проникнуться терпкой горечью судеб соотечественников, выкинутых революцией к чужим берегам, а также душевной силой и огромным обаянием ее автора – красивой и мужественной женщины. В 2005 г. за эту книгу Анастасии Александровне была присуждена специальная награда Всероссийской литературной премии «Александр Невский» «За труды и Отечество».

По всем признакам «Бизерту. Последнюю стоянку» следует отнести к мемуарному жанру, поскольку она соответствует главной его особенности: претензии на достоверность рисуемого автором прошлого, на документальный характер текста. «Бизерта. Последняя стоянка» – произведение, повествующее от лица автора о минувших событиях, участником и свидетелем которых она была.

В то же время книга автобиографична (хотя нередко эти понятия используются как синонимы). Здесь на первый план выступает женщина, пытающаяся осмыслить истори-

² Анастасия Ширинская-Манштейн родилась 23 августа (5 сентября) 1912 г. в имении Насветевич в селе Рубежное Российской империи (ныне город Лисичанск, Луганская область, Украина).

³ Речь идет о Бертроне Деланоз, уроженце Бизерты, французском политическом деятеле, члене Социалистической партии Франции, мэре Парижа с 2001 по 2014 гг.

⁴ Из интервью А.А. Манштейн-Ширинской автору статьи, Бизерта, Тунис, осень 2007 г.

ческий контекст собственной жизни, описывает свои действия как часть общего исторического процесса, оценивает итоги и отголоски Революции; особенности вынужденного бытия в инокультурной и иноконфессиональной средах. Но если все же рассматривать мемуары и автобиографию как разные жанры, то в этой книге их переплетение столь органично, что вся книга воспринимается как единое целое и читается на одном дыхании. И это не только автобиография личности, где зрелая Анастасия Ширинская размышляет над вопросами, исконно волновавшими русскую эмиграцию: Россия и вера, жизнь в мультикультурном мире, мера нравственной ответственности. Это – и культурная биография эпохи, где автор демонстрирует способность превзойти в себе родовое начало, выстраивая свою идентичность через других. «Я не собиралась писать собственную биографию. Чувствуя себя причастным свидетелем исторических событий, часто малоизвестных или заведомо искаженных, я хотела восстановить ту часть моего прошлого, которое является также прошлым миллионов людей, переживших крушение Великой Империи» [6, с. 285]. Такой подход позволяет рассматривать эту книгу как итог огромной творческой работы А.А. Манштейн-Ширинской, посвященной своему Времени.

Прикоснуться к истории Черноморской эскадры, к судьбам соотечественников, нашедших приют в Африке, можно по-разному. Очевидцы событий (Н.Н. Кнорринг, В.В. фон Берг, а позже А.В. Плотто и К.В. Махров) писали ее историю уверенным мужским пером, точным и острым в своем социально-историческом и политическом видении эпохи, творческим почерком, масштабно и рационально охватывающим ее узловые проблемы. Эта же книга – история русской эскадры, о которой рассказывает женщина. В ней автор – летописец эмигрантской повседневности, по-женски пронзительно в своей детальной выписанности событий, кропотливо рисующий картину мира эмигрантского круга в его соприкосновениях с французским, итальянским, арабским населением Туниса того времени, с его повседневными заботами, общими тревогами, надеждами и радостями, которые уготовила ему эпоха [8].

Зимой 1920–1921 гг. Крым, этот последний оплот белого движения в России, покинула Русская Императорская Черноморская эскадра, состоявшая из трех десятков кораблей. По решению союзников она была переведена в город-порт Бизерту – тогда французскую военно-морскую базу в Тунисе. С эскадрой прибыло свыше шести тысяч русских моряков с семьями, гражданских лиц, образовавших в Тунисе русскую колонию – самую крупную в то время на африканском континенте. Среди них была и семья Манштейн.

Семья Манштейн относилась к той части русской эмиграции в Африке, которая объединяла представителей старой аристократии, дворянства, со всеми интеллектуальными, духовными и культурно-нравственными признаками своей эпохи и своей социальной принадлежности, включая стремление изгнанных с родины на чужбину людей во что бы то ни стало сохранить в новых условиях не только свое этническое «я», национальное самосознание, но социально-нравственную значимость, формировавшуюся в прежней жизни не одним поколением. Семейным хроникам, ее детским воспоминаниям жизни в украинском имении Рубежное, в котором она прожила первые пять лет, посвящена первая часть книги. Это годы дореволюционного помещичьего русского быта – уютного, благополучного, по-своему беззаботного, гостеприимного, музыкального, поэтического... Быта, жестко и навсегда разрушенного февральской революцией. «Я думаю, что жизнь моя состоит из двух частей: до 1917 года и после» [6, с. 109].

Крымская эвакуация в памяти маленькой Анастасии (или, как ее звали домашние, Асты) сохранилась, как «большая картина»: «Вижу толпы людей, куда-то озабоченно стремящихся. Не помню ни паники, ни страха. Может быть, оттого, что мама умела в самые драматические минуты сохранять и передавать нам, детям, свое спокойствие. А скорее всего, она умела скрывать собственный страх» [6, с. 162]. «Прошло 72 года,

но я ничего не забыла. Помню последние часы на Корабельной стороне. Багажа у нас почти не было. Вещи собрали быстро. Все самое дорогое... не вынималось: иконы, старые фотографии и рукопись Манштейна» [6, с. 163].

Мемуары А.А. Ширинской – глубоко пережитые и творчески оформленные попытки анализа проблемы самоидентификации на пересечении восточной и западной цивилизаций и одновременно способности овладения обеими культурами. Мультикультурная Бизерта начала XX столетия, где расквартировалась русская эскадра, сначала настороженно приняла русских беженцев. «Мы, русские, без сомнения, должны были стать предметом удивления. Что мог знать маленький бизертский мирок о русской революции и о России вообще?.. Моя жизнь будет тесно связана с развитием Бизерты, европейской части которой было в те времена не более 30 лет... Культурный уровень этой эмиграции, ее профессиональная добросовестность, умение довольствоваться скромными условиями – все это было оценено окружающим разнородным обществом... Слово «*русси*» не было обидой в устах мусульманина, но скорей – рекомендацией» [6, с. 236; 230]. Уже через короткое время начали складываться контакты – торговые, деловые, творческие и человеческие.

Рассказывая о жизни в этнически пестрой Бизерте, Анастасия Манштейн-Ширинская тепло отзывается о французах, составлявших в этом протекторате костяк колониальной администрации. Она утверждает, что только благодаря французам они выжили [6, с. 177–178]. Вспоминает о первой рождественской елке в Африке, устроенной детям русских моряков французами прямо в «плавучем доме» – на миноносце «Георгий Победоносец», о соседях-французах, о преподавательницах во французской школе в Бизерте, о героизме французских морских офицеров, их гражданской позиции и профессиональной солидарности с моряками-черноморцами [6, с. 181–182].

Стремясь следовать российским устоям социокультурной организации жизни, русское зарубежье неизбежно адаптировалось, и не только для того, чтобы выжить, но и чтобы самосохраниться в новом поколении. Последнее же, представленное юными эмигрантами, зачастую несло на себе отпечаток пережитого ими потрясения, сменяемого поисками способов выживания. Это был трудный и болезненный путь адаптации к условиям африканской действительности, в которой жизненно важные элементы процесса взросления были вырваны из традиционного социокультурного контекста и стали контролироваться иными структурами возможностей, основанными на специфике эмигрантского существования в этом регионе. И весь этот тернистый путь взросления день за днем был пройден 8-летней девочкой Астой Манштейн. Поэтому не случайно в ее книге воспоминаниям о юной эмиграции Бизерты – и о тех, которые глубоко переживали состояние дискомфорта в жизни между двумя мирами, и о тех, которые не страдали от жизни в закрытом мире, ничего не зная об окружающей стране, которая, в свою очередь, «ничего не знала о них» [6, с. 184], – отведено немало места. «В тот далекий день в начале 1921 года я была...на большом броненосце с кадетами Морского корпуса. Некоторые из них были еще совсем маленькими, многие оторваны от семьи, были и сироты» [6, с. 182]. Жизнь на море неизбежно породила солидарность и дружбу гардемарин Морского корпуса и детей из семей военных. «Детьми мы часто присутствовали при спуске флага и очень дорожили нашим морским воспитанием. Грести в канале, сидеть за рулем, безусловно причалить – все это было для нас очень важно...» [6, с. 194].

Формула «семейный очаг» приобретает в эмиграции особое звучание. Ощущая свое единство, именно семьям было проще справляться с суровыми условиями чужбинного бытия. В жизни семьи Манштейнов принцип «чтобы семья жила» становится непреложным законом жизни самой Анастасии Александровны. И тот факт, что А.С. Манштейн, кормилец семьи, вынужден был перебиваться случайной работой, отнюдь не разрушало внутреннего единства и благополучия семейной жизни. В обязанности Асты входила забота о младших сестрах. «Вставать утром всегда было трудно. Я была стар-

шая, мама работала целый день, а иногда и по вечерам, и времени на домашние заботы нам не хватало... Как вымыть под краном холодной воды двух маленьких девочек в нашей узкой кухне, одновременно ванной и прачечной, куда через щели плохо прилаженных окон проникал холодный зимний ветер?...» [6, с. 228]. Этот каждодневный труд, имея, по ее словам, «оздоровляющее» значение, во многом определил отношение к тем установкам и ценностям, которые были священны для ее родителей – любви к семье, отношению к детям, сохранению статуса русских за рубежом, делал Анастасию живым связующим звеном между ушедшей Россией и приобретенным Тунисом.

Манштейны вместе еще с несколькими русскими семьями пережили многие бизертские перипетии, связанные с войной, с борьбой за независимость. Лишь ненадолго покидали родители Бизерту. Именно в одну из таких коротких отлучек тихо ушла из жизни мать писательницы. Сам Александр Сергеевич все чаще возвращался к воспоминаниям о родине, родовом имении Насветевич, к неизвестным ей ранее эпизодам своего детства... С ними он и ушел из жизни в 1964 г. в клинике своих тунисских друзей Аннаби с улыбкой на лице. Отпевал его греческий священник. Это был последний гроб, отпевавшийся в бизертской церкви, покрытый Андреевским стягом [6, с. 289].

У Анастасии Александровны сохранились воспоминания о женщинах русской эскадры. Это очень натуралистично исполненные женские образы, которые приводятся в книге в общем контексте женского присутствия в Тунисе первой половины XX в. Круг их забот не ограничивался домашним хозяйством. Для этих женщин дети – свои и чужие – почти общие в заботах о них. Анастасия Александровна вспоминает, с какой теплотой с каким вниманием и терпением к юным кадетам относились жены преподавателей и персонала Морского корпуса, занимались с ними, заботливо опекали, организовывали праздники, делали немудреные подарки [6, с. 122–123]. Осенью 1921 г. на «Георгии Победоносце» была открыта русская школа. И здесь женщины играли далеко не последнюю роль. Не задействованные в педагогическом процессе создавали внутри эмигрантского сообщества разного рода общественно полезные структуры: швейные мастерские, которые обшивали гардемарин, читальни, а также хоры, оркестры, домашние театры. Все эти дамы вложили немало труда на пользу Корпуса. «Дамский комитет» под руководством супруги вице-адмирала А.М. Герасимова свою главную задачу видел в заботе о детях. «Как удавалось нашим мамам заготавливать костюмы, которые превращали нашу повседневную действительность в увлекательную сказку?» [6, с. 129–132].

Старший ребенок в семье Манштейнов, воспитавшая младших сестер, позже мать троих детей, к тому же растившая своего племянника, педагог от Бога, Анастасия Ширинская на протяжении всей своей жизни постоянно была окружена молодежью, сначала такими же, как сама, ровесниками-эмигрантами, затем учениками, детьми друзей, внуками, правнуками. Самоотверженная любовь к семье, искренняя дружба, умелая и терпеливая педагогическая работа делали ее открытой для молодых, понимаемой и любимой ими. И как никто другой она ощущала свою духовную ответственность за сохранение исторической Памяти и уважение к ней, необходимость передачи последующим поколениям истинных ценностей русской ментальности, истории и культуры отчизны («чтобы историческая цепочка эта не прерывалась»). Все это она сохраняла, оберегала и бескорыстно передавала в руки Будущему.

Встречей с родными местами, которые А.А. Манштейн-Ширинская посетила во время своего паломничества в 1990 г. на Родину, завершается ее книга. Трогательный и сердечный прием сверстников Анастасии Александровны, «помнящих счастливые времена и грустный конец нашего безоблачного детства» помнящих ее саму и ее родных, подсказал слова, которыми заканчиваются ее воспоминания: «Благодаря людской памяти следы этого прошлого не затоптаны... Я знаю теперь, что на земле есть уголок, где я никогда не буду чужой!» [6, с. 330].

П.П. Шереметева-де-Мазьер

Еще одна представительница литературного процесса – графиня Прасковья Петровна Шереметева-де-Мазьер – русская марокканка с французским паспортом, великолепным русским языком и большим амбициозным гуманитарным проектом – рассказать марокканцам о русских. «Я рассказываю о людях, которых сама знала» – девиз ее творчества.

В отличие от монументального труда А.А. Ширинской, это – несколько небольших по объему книжек карманного формата, посвященных истории русской общины в Королевстве Марокко, которые вышли на французском языке в издательстве *Revised edition* в Танжере. И если для А.А. Ширинской было одинаково важен и французский, и тунисский, и русский читатель, у произведений П.П. Шереметевой другой адресат: марокканцы, с которыми она прожила всю жизнь и которым она возвращает память о своей истории. «Врачи, мосты и дороги – все это так или иначе строилось людьми, которые бок о бок работали с русскими того поколения, и память об этом передается через поколения. Все эти люди, в большинстве своем неграмотные, так или иначе, контактировали с русскими эмигрантами и потом рассказывали своим соотечественникам... Работу я начала, но это было довольно трудно. Нет материала, люди почти все уже успели умереть. Я встретила уже каких-то последних стариков... но существуют, конечно, какие-то мемуары, и были люди, которые еще о них помнили...»⁵.

Тем не менее, эти литературные миниатюры, исторические очерки-зарисовки, посвященные различным эпизодам из жизни русских в Марокко, а также отдельным персонажам эмигрантской саги, так или иначе объединены общим духом русского присутствия в североафриканском королевстве, находившемся тогда под французским протекторатом, и представляют несомненный интерес для русского читателя.

Одна из книжек-очерков П.П. Шереметевой посвящена истории едва ли не первого русско-марокканского брака [9]. Союз Елены Алексеевны Безруковой, дочери помещика Воронежской губернии, депутата Государственной Думы, выпускницы Московской консерватории, и представителя марокканской знатной семьи Мулай Ахмеда Эль-Айдуни Джебли Эль-Алами Идрисси, встретившихся в Алжире в начале XX в., наделал много шума в высшем обществе Санкт-Петербурга, о чем вспоминала бабушка Прасковья Шереметевой [8, с. 14]. В Марокко резонанс был еще большим – мусульманин женится на христианке! Это неординарное решение блестящего артиллериста с перспективой успешной карьеры вынудило его оставить марокканскую военную службу, и Ахмед Джебли отправился в Россию просить руки невесты.

Брак был заключен в любимой молодоженами Италии зимой 1903 г. Тогда же молодожены перебрались в Марокко. До 1917 г. семья Джебли регулярно навещала имение Безруковых под Воронежем. Первая мировая война, а затем революция 1917 г. навсегда отрезали их от родины Елены Алексеевны.

Несмотря на громкий общественный резонанс, этот «смешанный» брак оказался удачным и произвел достойное потомство: дети Ахмеда и Елены сделали успешные карьеры в юриспруденции, медицине, музыке.

В очерке упоминается еще об одном моменте русско-марокканского духовного сближения, в котором эта смешанная семья невольно сыграла свою роль. В 1929 г. Ахмед Джебли серьезно заболел, и, когда врачи уже расписались в своем бессилии, Елена Алексеевна уговорила мужа пригласить к нему православного священника, отца Варсонофия (Толстухина), который в те годы возглавлял русскую православную общину. Молитвы ли батюшки, перелом ли в болезни, но Ахмед Джебли выздоровел! Вместо предложенной А. Джебли награды священник попросил выделить под строительство

⁵ Из выступления П.П. Шереметевой-де Мазьер на Круглом столе, Рабат (Марокко), июнь 2010 г. Не опубликовано.

православного храма участок земли. Сумма сделки русского священника и мусульманского землевладельца составила... один франк [9, с. 31]. На выделенной земле был выстроен православный храм, действующий и поныне.

Описывая эту необычную историю, П.П. Шереметева, проявляя незаурядную эрудицию, не раз обращается к прошлому России и Марокко, благодаря чему ее повествование о частной жизни двух людей разных культур выглядит как красивый пример гуманитарных связей, осуществленных на уровне семьи.

Другой очерк посвящен весьма живописной истории создания русскими на марокканской земле... русской усадьбы [10]. Ее основатель, Михаил Владимирович Дезобри, обрусевший француз в третьем поколении, участник Первой мировой войны, в 1916 г. приехал во Францию в составе Русского экспедиционного корпуса. По окончании войны поступил в Иностраннный легион, с которым и попал в Марокко. Здесь в 1931 г. он купил несколько гектаров бесплодной земли в окрестностях Рабата, в Сиди Абдалла, где и было построено имение, получившее название Устиновка (так называлось имение его жены в России). Упорный труд хозяина, проложенные ирригационные системы – и на пустынной земле расцвел замечательный сад.

Устиновка стала своего рода «Россией вне России», где таким вот патриархальным помещичьим, почти «семейным» кругом – с самоваром, березками, арабской говорящей по-русски прислугой – встречались многие русские. Под гостеприимной крышей собирався цвет эмигрантского дворянства и интеллигенции, осевшей в Марокко: супруги Садиковы (позже они построили маленький дом, названный «Мышиной норкой» [11, с. 287]), Игнатьевы, клан Лихачевых, граф В.А. Игнатьев, инженер П.С. Горсткин, друг отца Прасковьи Петровны, прямой потомок декабриста И.Н. Горсткина, князь В.А. Гагарин с семьей, семьи Шидловских, Глебовых, Толстых и многие другие. Кто-то жил здесь постоянно, кто-то (как родители Прасковьи Петровны) наезжал в гости⁶. Прасковья Петровна подробно рассказывает о каждом из собиравшихся в этом месте, рисуя яркую драматичную картину эмиграционных скитаний этих людей, которых судьба привела, наконец, в Королевство Марокко. Это был настоящий помещичий дом, где было много детей и молодежи, которая рисовала, увлекалась русской литературой, музыкой, поэзией.

Такая оригинальная идея была встречена марокканскими русскими с энтузиазмом, «...и другие люди стали тоже покупать. Так постепенно там осела группа русских... И потом люди, которые там жили, говорили, что живут в “Устиновке”, хотя они не жили в “Устиновке”, но они жили такой патриархальной русской жизнью в этом месте...» [10, с. 14; 16]. На марокканской земле стали появляться другие русские имения, принадлежащие сыну К.С. Станиславского, А.К. Алексееву (чья дочь, была и остается закадычной подружкой П.П. Шереметевой). Некоторые с русскими названиями, как например, «Марьяна Роцца» в Сиди Бу Кнедель [12, с. 121].

Русские эмигранты постепенно обустроивали свою жизнь по привычным лекалам быта, реставрируя прошлое, сохраняя внутри себя, своей семьи ностальгическую привязанности к корням, быть может, иллюзию возврата домой. Потому что независимо от реальностей или воспоминаний родной дом – воплощение образов, дающих человеку опору или иллюзию устойчивости. Ведь помимо позитивных ценностей защиты в родном доме утверждаются ценности воображения, последние ценности, которые остаются, когда нет самого дома [13, с. 36]. И еще тогда, когда возврата к дому нет...

Почти десять лет сохранялось это уникальное имение, любимое пристанище русских в Марокко. С концом протектората, эмигранты стали разъезжаться, деревянный дом был полностью сожжен в 1960 г., остался только фундамент. Злонамеренность или

⁶ П.П. Шереметева дает в этом очерке подробные биографии и выразительные характеристики собиравшихся в Устиновке русских.

несчастный случай? П.П. Шереметева не дает ответа. Новый владелец вырубил все деревья. Устиновка, этот уголок России, был возвращен Марокко [10, с. 50].

Еще одна книжка П.П. Шереметевой повествует о судьбах домашней прислуги русских эмигрантов – о нянях [14]. «Няня была важнейшей фигурой в жизни русской семьи (членом русской семьи). Что-то среднее между нянькой младенца и гувернанткой, няня была самым близким человеком для ребенка, спутницей его детства» [14, с. 7].

Портретные зарисовки четырех нянь, разных по характеру, происхождению, темпераменту, поведению, но весьма схожих по истории жизни и отношению к религии. Прасковье Петровне довелось быть близкой знакомой с тремя из них: няней Лизой (Елизаветой Николаевной Николаевой), Финкой (Марией Григорьевной Шуйской) и Катей (Катериной Антоновной Пилинской).

Любопытно, что в отечественной историографии работ, посвященных этой уникальной социально-профессиональной группе практически нет [15]. Тем не менее, знакомство с этими образами благодаря уникальной эмпирике памяти П.П. Шереметевой позволяет увидеть новые, ранее ускользавшие аспекты бытия эмигрантского русского сообщества. «Незаметная незаменимость» этих людей была прочно вплетена в быт семей, где они зачастую проживали всю жизнь (или даже, как няня Катя, рождались в семьях, где работали их родители), семей, которые они сопровождали и в изгнании, будь то Крым, Кавказ, Югославия, Турция, Франция или Марокко.

И это не удивительно. Важнейшая часть миграционного процесса – социально-бытовая адаптация эмигранта. И насколько успешно проходил этот процесс, зависело от целого ряда факторов, одним из которых была необходимость овладевать новыми для себя культурными навыками и установками, сочетая их с повседневными практиками, вывезенными с Родины. И здесь именно прислуга становилась едва ли не главным «каналом передачи культуры между различными социальными классами». Слуги выступали в роли «учителей» для своих хозяев, умело используя в новых условиях свои деревенские социокультурные и бытовые практики» [16, с. 573]. Их преданность семье буквально не знала границ. Опираясь на воспоминания Сергея Толстого, Прасковья Петровна рассказывает о бедственном положении семьи Глебовых-Толстых в Париже, абсолютно неопытных и беспомощных в хозяйстве. Они уже не могли содержать сопровождавшую их везде няню Лизу, поэтому она нанялась поварихой в богатую семью и каждую неделю приносила мешки всякой еды. «У них слишком, а у вас не хватает», – так говорила она, чтобы преодолеть их щепетильность [14, с. 11]. Уже в Марокко, в Сиди Бетташ, куда няня Лиза перебралась со «своей» семьей Глебовых-Толстых, именно она успешно налаживала контакты с социально понятным ей местным населением, лечила травами окрестных крестьян [14, с. 12].

Такое отношение к господам говорит и о человеческих свойствах самих хозяев. Для них няни были членами семьи, растившими их детей в благополучное время, спасавшими и защищавшими их в революционное лихолетье. Няне Лизе посвящен и еще один знаменательный эпизод. До революции, когда она еще не жила в семье Толстых, она много путешествовала с другими хозяевами, и в какой-то гостинице в Германии, кажется, встретила В.И. Ленина, который с ней очень подружился и даже подарил ей на прощанье тросточку с набалдашником, сказав, что с ней хорошо гулять по берегу моря [14, с. 9–10].

Няня Финка (Или Финночка) воспитывалась в Смольном институте (обучение оплачивалось неизвестным, что, как указывает П.П. Шереметева, говорило о ее внебрачном происхождении) [14, с. 19]. Позже, приехав из Финляндии (откуда и ее прозвище), она поступила в семью князя Мальцева. Перипетии ее жизни в этой семье похожи на роман: после февральской революции Мальцевы перебрались в тогда относительно спокойный Симеиз. Наступление Красной армии на Крым разделило семью: старшие ее члены остались, а после их расстрела в 2019 г. Финка с детьми два года пряталась в домике повара, выдавая их за своих собственных. Среднего, Николая, она отправила с ма-

лознакомым проводником в Болгарию. Потом – пеший маршрут с оставшимися из Симеиза. Затем – морской на рыболовном судне через Румынию, в Варну, где тогда свирепствовал тиф и где их наконец нашел и отвез в Софию деверь их матери, П. Щербатов. Туда же позже приехал Николай. Здесь они жили до 1928 г. В Марокко преданная Финка последовала со старшей дочерью. «Мои воспоминания о ней относятся к сороковым годам... Я ее нежно любила. Я отождествляла ее с той далекой и немного сказочной Россией, о которой мне рассказывали и которая описывалась в прочитанных нами книгах...» [14, с. 28–29].

Прасковья Петровна Шереметева-де Мазьер по-прежнему много времени посвящает подготовке фундаментального труда о жизни русских в Марокко. И твердо обещает: «Конечно, все это кончится большой книгой...»

Осенью 2008 г. в Бизерте состоялась первая и последняя встреча двух именитых «русских африканок» – Анастасии Александровны Манштейн–Ширинской и Прасковьи Петровны Шереметевой де Мазьер. Последняя прилетела в Бизерту из Рабата, чтобы поздравить А.А. Ширинскую с 96-м днем ее рождения. Об Анастасии Александровне Прасковья Петровна, разумеется, слышала, читала ее книгу «Бизерта. Последняя стоянка». Однако встретились они впервые. Русские женщины Африки, первая из которых прожила здесь с детства до весьма преклонных лет, а вторая родилась и поныне продолжает жить в Африке. И разговаривали они много и о разном – от личных семейных историй до проблем современной жизни и своем в ней месте.

* * *

Многих из женщин русской эмиграции в Африке отличала многогранность литературных интересов. Желание быть общественно полезной особенно проявлялось в их корреспонденциях, письмах к родным и близким, переписке с издательствами, эмигрантскими журналами и альманахами, поскольку соотечественницы принимали живое участие в организации публикаций земляков. Сами они также были представлены и в эмигрантской периодике. Образцы творчества Марии Сазонович-Кожиной, профессиональной певицы, журналистки и мемуаристки, Ксении Боссе, танцовщицы и журналистки, публиковавшей свои южноафриканские корреспонденции в латвийской газете «Сегодня» за 1936–1939 гг. и печатавшейся в «Новом русском слове» и «Русской мысли», внучки В.И. Немировича-Данченко, скрывавшейся под инициалами «О.К.» и присылавшей свои корреспонденции из Французской Гвинеи, рассказы Агаты Булыгиной и корреспонденции Ольги Гогиной, более известной, как художник и глубокий знаток амхарского языка и культуры Эфиопии, нередко печатались в периодике Прибалтики (газета «Эхо», журнал «Для Вас»); в Риге регулярно публиковались очерки об Африке Зинаиды Шаховской.

Перечисленные разнообразные по жанру художественные свидетельства замечательно раскрывают женский взгляд на эмигрантские скитания, на социальные проблемы, психологические коллизии внутри эмигрантской общины. Многие из них традиционны по настроению поэтических и литературных упражнений русской эмиграции начала XX столетия, где в той или иной форме, но почти обязательно присутствует лейтмотив чужбинности, мучительного поиска прибежища. При этом в основе большинства произведений независимо от жанра демонстрируется опора на ценности и навыки русской культуры. Одновременно эти произведения рисуют социальную картину местного общественного устройства, выписанную по-женски собирательно, терпеливо и тщательно фиксируя чужую и собственную повседневность.

И еще одно замечание. Проанализированные тексты при всем своем стилистическом, сюжетном, идейном разнообразии оказываются поразительно едины в своей внутренней доброжелательности, в христиански терпимом принятии тех испытаний, в которые повергла их судьба.

Именно эти женщины, в силу неординарного жизненного опыта наделенные острым духовным зрением, внесли своими произведениями свежие, оригинальные вкрапления в общий мировой литературный процесс XX столетия. И, возможно, не столько в силу своих литературных достоинств, сколько потому, что в них была заложена большая духовная сила.

Источники

1. Беглова Н.С. Изабель Эберхардт: русская амазонка Сахары. *Иные берега*. № 2 (50) 2019; № 1(47), 2018. <http://www.inieberega.ru/node/824> (дата обращения 03.10.2020)
2. Charles-Roux Edmonde. *Un desir d'Orient: jeunesse d'Isabelle Eberhardt, 1877–1899*. Paris, Grasser 1989. 538 с.
3. Беглова Н.С. *Изабелла Эбергардт*. М., Молодая Гвардия, 2019 (Серия «Жизнь замечательных людей»). ISBN 978-5-235-04323-7. 272 с.
4. Эберхардт И. *Тень Ислама. Рассказы*. В 2 ч. Санкт-Петербург, тип. А.С. Суворина, 1911. 249 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003787217> (дата обращения 30.12.2020)
5. Прожогина С.В. Изабелла Эберхардт: с мечтой о братстве... *Восточный архив*. № 1 (39) 2019, с. 29–41.
6. Анастасия Ширинская. *Бизерта. Последняя стоянка*. СПб., Фонд содействия флоту «Отечество», 2003. ISBN 5-93770-033-1. 344 с.
7. *Гангутская победа и другие подвиги моряков и судов родного флота. Сборник рассказов*. Санкт-Петербург, типография Т-ва Суворова «Новое время», 1914 г. 150 с.
8. Пушкарева Н.Л. История повседневности и частной жизни глазами историка *Социальная история 2004. Ежегодник*. М., Политическая энциклопедия 2005. ISBN 5-8243-0635-4, с. 93–113.
9. Pauline de Mazieres (Prascovia Cheremeteff). *Histoires de Russes au Maroc*. Fragment III. Madame Djebli. Tangier (Maroc), Edition Khbar Blanda, 2011. 33 с.
10. Pauline de Mazieres (Prascovia Cheremeteff). *Histoires de Russes au Maroc*. Fragment IV. Oustinovka (Sidi Abdellah). Edition Khbar Blanda, 2012. 53 с.
11. Сухова Е.Е., Сухов Н.В. *Биографический словарь русской эмиграции в Марокко в XX веке*. М., ИВ РАН, 2019. ISBN 978-5-89282-931-1. 444 с.
12. Сухов Н.В. *История русской эмиграции в Марокко в XX в.* М., ИВ РАН, 2019. ISBN 978-5-89282-822-2. 276 с.
13. Башляр Г. *Поэтика пространства*. М., 2004. М., РОССПЭН, 2004. ISBN 5-8243-0489-0. 376 с.
14. Pauline de Mazieres (Prascovia Cheremeteff). *Histoires de Russes au Maroc*. Fragment II. Les Niani. Tangier (Maroc), Edition Khbar Blanda, 2010. 45 с.
15. Клоц А.Р. «Светлый путь»: институт домашних работниц как миграционный канал и механизм социальной мобильности эпохи сталинизма. *Новое литературное обозрение*, 2012. Вып. 117(5), с. 40–52 ISSN: 0869-6365 ISSN: 2309-9968
16. Sarti R. Dangerous Liaisons: Servants as «Children» Taught by Their Masters and as «Teachers» of Their Masters' Children (Italy and France, Sixteenth to Twenty-First Centuries) *Paedagogica historica*. 2007. Т. 43. № 4. 573 с.

ON SELF AND THE ERA: LITERARY EXPLOITS OF RUSSIAN ÉMIGRÉES IN AFRICA

© 2021 Natalia Krylova

KRYLOVA Natalia L., Dr.Sc. (History), Principal Research Fellow, Centre of Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies. Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka, 30/1, e-mail: krylovanl@yandex.ru

Abstract. *Within the general array of the studies on the issues of immigration during the era of intensive migration processes induced by the Russian revolution of 1917, the approach of researching into cultural self-preservation and cultural identity of the immigrants is used to a considerably lesser extent. At the same time, such an approach, especially if supplied with evidence in the form of fictional and journalistic works, is extremely important for understanding the socio-cultural adaptation of an individual to the new environment and determining the specifics of cultural integration associated with the inevitable and dramatic clash of different cultural stereotypes.*

The emigrant generation of Russians of the "first wave", who found themselves in Africa, had the ability to create literature. There were many women among them, for whom literary testimony, poetry, and journalism were important. Epistolary became one of the ways of cultural expression, recreating the history of communities whose existence for a long time remained little known. The use of these sources opens up new areas of life and history of Russian emigration.

Life at the crossroads of different cultural traditions, tragic awareness of their isolation from the native culture, challenging experience of learning a foreign culture, as well as the existence within the space of different traditions of life – all these marks of the cultural composure of a Russian emigré of the first half of the 20th century can be found in their journalistic and fictional works.

In the works of Russian emigrants, there is a special subtlety of psychological mood, a special insight into their own lives, their "I", and a special piercing compassion for the world around them.

Hence the special lyricism of the women's prose and poetry, despite the dramas of life reflected in them, and the specialness of their position in this world. Their literary samples are a vivid evidence of a bygone era and represent fresh inclusions in the general literary process. Combining with the poetic and prose streams of Russian emigrant literature, they join together in the general world literary process that was experienced by the 20th century.

Keywords: *Africa, compatriots, women, creativity, Russian emigration, literary process, prose, emigrant culture, multiculturalism, adaptation*

DOI: 10.31132/2412-5717-2021-55-2-90-103

References

Anastasiya Shirinskaya. Bizerta. Poslednyaya stoyanka (Bizerte. Dernière escale) SPb., Fond sodejstvija flotu «Otechestvo», 2003. ISBN 5-93770-033-1. 344 p.

Bashlyar G. *Poetika prostranstva (Poetics of space)*. Moscow, ROSSPEN, 2004. ISBN 5-8243-0489-0. 376 p.

Beglova N.S. *Izabella Ebergardt. Seriya «Zhizn' zamechatel'nyh lyudej»*. (Izabella Eberhardt. Series "The life of remarkable people"). Moscow, Molodaya Gvardiya, 2019 ISBN 978-5-235-04323-7. 272 p.

Beglova N.S. *Izabel' Eberhardt: russkaya amazonka Sahary (Isabel Eberhardt: The Russian Amazon of the Sahara)*. *Inye berega (Other Shores)*. №2 (50) 2019; №1 (47) 2018 <http://www.iniebereg.ru/node/824> (accessed 03.10.2020)

Gangutskaya pobeda i drugie podvigi moryakov i sudov rodnogo flota (Gangut victory and other feats of sailors and ships of our navy). *Sbornik rasskazov*. Sankt-Peterburg: tipografiya T-va Suvorova

Novoe vremya (Collection of short stories. St. Petersburg, printing house of T-va Suvorov Novoe Vremya), 1914 g. 150 p.

Kloc A.R. «Svetlyj put»: institut domashnih rabotnic kak migracionnyj kanal i mekhanizm socialnoj mobilnosti epohi stalinizma ("The Bright Path": the institution of domestic workers as a migration channel and a mechanism of social mobility of the Stalinist era). *Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review)*, 2012. Vyp. 117(5). pp. 40–52 ISSN: 0869-6365e ISSN: 2309-9968

Prozhogina S.V. Izabella Eberhardt: s mechtaj o bratstve... (Isabella Eberhardt: With a dream of brotherhood...). *Vostochnyj arhiv (Eastern Archive)*. № 1 (39) 2019. pp. 29–41

Pushkareva N.L. Istoriya povsednevnosti i chastnoj zhizni glazami istorika (The history of everyday life and private life through the eyes of a historian). *Social'naya istoriya*. 2004. Ezhegodnik. Moscow, Politicheskaya enciklopediya. 2005. ISBN 5-8243-0635-4. pp. 93–113

Suhov N.V. *Istoriya russkoj emigracii v Marokko v XX v. (History of Russian emigration to Morocco in the twentieth century)*. Moscow, IV RAN, 2019. ISBN 978-5-89282-822-2. 276 p.

Suhova E.E., Suhov N.V. *Biograficheski slovar' russkoj emigracii v Marokko v XX veke (Biographical dictionary of Russian Emigration in Morocco in the twentieth century)*. Moscow, IV RAN, 2019 ISBN 978-5-89282-931-1. 444 p.

Eberhardt I. *Ten' Islama. Rasskazy (The shadow of Islam. Stories)*. V 2 ch. Sankt-Peterburg: tip. A.S. Suvorina, 1911. 249 p. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003787217> (accessed 30.12.2020)

Charles-Roux Edmonde. *Un desir d'Orient: Jeunesse d'Isabelle Eberhardt, 1877–1899*. Paris, Grasser 1989. 538 p.

Pauline de Mazieres (Prascovia Cheremeteff). *Histoires de Russes au Maroc*. Fragment II. Les Niani. Tangier (Maroc), Edition Khbar Blanda, 2010. 45 p.

Pauline de Mazieres (Prascovia Cheremeteff). *Histoires de Russes au Maroc*. Fragment III. Madame Djebli. Tangier (Maroc), Edition Khbar Blanda, 2011. 33 p.

Pauline de Mazieres (Prascovia Cheremeteff). *Histoires de Russes au Maroc*. Fragment IV. Oustinovka (Sidi Abdellah). Edition Khbar Blanda, 2012. 53 p.

Sarti R. Dangerous Liaisons: Servants as «Children» Taught by Their Masters and as «Teachers» of Their Masters' Children (Italy and France, Sixteenth to Twenty-First Centuries). *Paedagogica historica*. 2007. Vol. 43. № 4. 573 p.